

— Наложница всё ещё во дворе?

Ху Я, заметив, что выражение лица собеседника остаётся неизменным, но в глазах читается нечто неуловимое, поспешно ответил шёпотом:

— Да.

Они прошли несколько шагов друг за другом и оказались во дворе Жунли. Гу Чжису поднял взгляд и увидел под цветущей грушей фигуру, которая беспокойно расхаживала туда-сюда. Его тёмные глаза слегка потемнели, а улыбка с губ исчезла без следа. Он лишь произнёс:

— Наложница, я вернулся.

Цзюнь-ши, уже изрядно нервничавшая из-за сегодняшних событий, обернулась и, увидев Гу Чжису, тут же изменилась в лице. Она быстро подошла к нему, схватила за руку и, не спрашивая, откуда он вернулся, потащила в дом. Резко захлопнув дверь перед теми, кто остался во дворе, она, глядя на спину Гу Чжису, стоявшего в комнате, с тревогой заговорила:

— Чжису, Чжису, ты наконец вернулся! Беда! Стучилось ужасное! Ты должен спасти Чжицзин!

Гу Чжису, видя её такую взволнованную и ощущая, как она с силой сжимает его запястье, понял, что с Чжицзин случилось что-то серьёзное. Хотя из-за событий прошлой жизни его чувства к Цзюнь-ши были сложными, сейчас, видя её в таком состоянии, он не мог не нахмуриться. Не дожидаясь, пока она продолжит, он спросил:

— Успокойся и сначала расскажи, что произошло.

Цзюнь-ши, казалось, полностью потеряла самообладание. Она подошла к Гу Чжису, схватила его за рукав и, словно на грани срыва, с такой силой сжимала ткань, что её пальцы побелели:

— Это княгиня... Княгиня говорит, что её дочь больше не может выйти из монастыря и выйти замуж, а старшая ветвь семьи всё ещё нуждается в дочери. Она хочет записать Чжицзин на своё имя, превратив её из дочери наложницы в законную дочь!

— Дочь наложницы... в законную дочь?

Гу Чжису усмехнулся, слегка нахмурился, глядя на её побелевшие пальцы, и на мгновение почувствовал лёгкое головокружение. В прошлой жизни этого не происходило. В то время он был под домашним арестом, и у него не было возможности отправить Гу Хайтан в монастырь, чтобы госпожа Синь не смогла ничего сказать и вынуждена была искать его слабости, заставляя его либо подчиниться, либо пойти на смерть. Вспомнив это, он медленно опустил веки и вдруг усмехнулся:

— Она, даже будучи беременной, ведёт себя так беспокойно, будто, схватив мою слабость, ей станет легче.

Цзюнь-ши, услышав его слова, загорелась надеждой, схватила его одежду ещё сильнее, и Гу Чжису даже слегка наклонился от её усилий. Она, казалось, не обращала на это внимания, думая только о своей дочери, которая может пострадать от госпожи Синь, и с надеждой в глазах произнесла:

— Чжису! Разве ты не... разве ты не очень силен, чтобы избежать наказания от княгини? И старая госпожа... старая госпожа тоже на твоей стороне. Я верю, что ты сможешь спасти

Чжицзин! Если ты не сможешь, мне останется только стоять на коленях перед двором Линьцзян и умолять княгиню отменить своё решение и вернуть мне Чжицзин...

— Наложница, я не совсем понимаю твои слова, — Гу Чжису, услышав её слова, почувствовал в них скрытую угрозу. Его взгляд потемнел, он повернулся и, смотря прямо в глаза Цзюнь-ши, холодно произнёс, — Что значит, что я силен и могу избежать наказания от княгини? И что значит, что старая госпожа на моей стороне?

Цзюнь-ши, испугавшись его ледяного взгляда, мгновенно отвела глаза, не смея больше смотреть на него. Она, казалось, изо всех сил пыталась придумать оправдание, её лицо менялось, словно она не знала, что сказать, и она не заметила, как Гу Чжису, стоявший рядом и внимательно наблюдавший за её выражением лица, постепенно успокаивался, пока его глаза не стали полностью безжизненными.

Пока Гу Чжису молча закрыл глаза, сжав кулаки в рукавах, Цзюнь-ши вдруг поняла, что объяснения сейчас не важны, важно её дочь, которая находится в опасности. Она поспешно попыталась отвлечь его:

— Это... я просто волнуюсь... Чжису, ты ведь можешь спасти свою сестру, правда? Правда?

Видя, что даже до его поступления во дворец его родная мать уже поставила его безопасность ниже безопасности сестры, хотя Гу Чжису знал, что Цзюнь-ши в трудные времена умоляла матушку Цзинь за него, и, вероятно, всё ещё заботилась о нём, в его сердце не переставала нарастать холодность. Его тонкие губы слегка дрогнули, когда он заговорил:

— Наложница, не говори, что я тебя не предупреждал. На этот раз мать полна решимости принять сестру как свою дочь. Это не та ситуация, когда ты можешь просто поплакать и умолять, и она уступит, вернув тебе сестру. Даже если она действительно согласится, отец этого не допустит.

— Что ты имеешь в виду? — Цзюнь-ши думала, что ситуация не так серьёзна, что госпожа Синь просто потеряла дочь и хочет взять её дочь в качестве компенсации. Она беспокоилась только о том, что госпожа Синь может плохо обращаться с Чжицзин, а не о чём-то другом. Теперь, услышав слова Гу Чжису, она вдруг поняла, что всё не так просто, как она думала, и её лицо резко изменилось. — Почему князь не допустит этого? Почему...

— Наложница, ты всё ещё не понимаешь? — Гу Чжису, видя, что она всё ещё не осознаёт, сузил глаза, перестал смотреть на неё и резко открыл окно, устремив взгляд в сторону главного дома резиденции князя И. Он вдруг усмехнулся. — Старшая ветвь семьи должна иметь законную дочь, иначе возможность войти в дворцовые покои достанется второй или третьей ветвям.

Цзюнь-ши, услышав это, резко изменилась в лице, что показывало, что она не была полностью неосведомлена о намерениях Гу Вэньмяня. Но через мгновение она, глядя на Гу Чжису, сглотнула и робко произнесла:

— Су, что ты имеешь в виду? Я не понимаю...

Гу Чжису пристально смотрел на неё долгое время, пока Цзюнь-ши не отвернулась от его взгляда, и тогда он вдруг усмехнулся:

— Не понимаешь?

Он смотрел на робкое лицо своей родной матери и не мог понять, действительно ли она не понимает или притворяется; действительно ли она не знает, что, препятствуя этому, она идёт против воли госпожи Синь и Гу Вэньмяня, или притворяется, что не знает, что её действия вызовут недовольство Гу Вэньмяня и заговор госпожи Синь.

Он молча смотрел на Цзюнь-ши, не зная, сколько времени прошло, и вдруг улыбнулся с сарказмом.

— А если бы это был я? — Гу Чжису, глядя прямо на неё, вдруг произнёс. — Если бы не сестра, а меня хотели бы усыновить, превратив из шуана от наложницы в законного шуана, ты бы воспротивилась этому?

— Если бы тебя усыновили как законного шуана, я бы, конечно, не воспротивилась! — Цзюнь-ши, не задумываясь, ответила с улыбкой, но, встретившись с тёмным взглядом Гу Чжису, робко опустила лицо и продолжила. — Но ведь ты мужчина-шуан, и... и ты изменился... Если бы у тебя был статус законного шуана, ты мог бы жениться на знатной девушке, и тебя бы не так легко обидела княгиня, но Чжицзин другая...

Как он мог не видеть, в чём разница?

Он, Гу Чжису, и Чжицзин сталкивались с одной и той же судьбой. Если бы их усыновила госпожа Синь как законных шуана и дочь, они бы неизбежно стали её пешками, и им пришлось бы представлять старшую ветвь семьи, выходя замуж во дворец. Возможно, из-за их не совсем законного статуса они бы не стали императрицами, но стать драгоценными наложницами от клана Гу было бы неизбежно.

В прошлой жизни он думал, что Цзюнь-ши просто предпочитала младшую дочь, поэтому, даже когда он был под домашним арестом и не мог её спасти, она всеми силами защищала Чжицзин. Но после смерти Чжицзин Цзюнь-ши стала вести монашеский образ жизни и отказалась видеть его. Сначала он действительно чувствовал вину перед матерью — но тогда он уже потерял ноги, и у него оставалось всего несколько дней жизни. Он просто хотел увидеть свою мать в последний раз, но получил только выброшенные вещи и холодный, безжалостный упрёк.

Ты не смог защитить Чжицзин. У меня нет такого сына.

Гу Чжису молча стоял на месте, пристально глядя на Цзюнь-ши.

<http://bllate.org/book/16652/1525928>